Никогда не прельщала работа с документами, как и в целом любой такой мутор. Я бы сейчас скурил одну-другую, послушал радио и улёгся в кровать, держась одной за сиську, а второй за бутылку французского вина.

В том году началась и достаточно быстро закончилась война. Объявили войну те же французы и англичане, но, честно говоря, никто в Дюссельдорфе, как и в остальной Германии, всерьёз это не воспринял. В октябре были некие попытки «починить» положение, заключить мир с Западом, но пути назад уже не было. Как бы то ни было, боевых действий не велось, и к счастью.

Я работаю в местной ячейке министерства нарпросвещения и пропаганды, занимаюсь вопросами кадрового обеспечения. Нас регулярно штудируют комиссиями, ревизиями; в общем, делают всё, лишь бы усложнить жизнь и себе, и нам.

В этот раз нам в отдел прислали директиву, где утверждалась внеочередная проверка через месяц: у нас, видите ли, кадровый голод наметился, а мы, троглодиты, нихрена не делаем. Это я так, образно говоря выражаю, что бы на этой бумажке было написано, не существуй формальностей.

Подписав несколько указов для низших отделений, я с облегчением глотнул из кружки горький кофе; никогда его не любил, морщился при каждом глотке, будто выжал лимонного сока в рот, но он хорошо бодрил. Скажу честно, мне любой кофе всегда казался какой-то мерзостью, но такой, от которой отказаться нельзя, как и от постоянного курения.

Я поставил несколько печатей и вызвал секретаря, немного пухлого 36-летнего мужика, с которым, я уверен, можно было пропустить по бокалу пива и вдоволь провести время вне работы. Говорят, у него в роду много монументалистов, но сам он к архитектуре интереса не проявляет, сколько его знаю. Мы обменялись кивками, он забрал бумаги, а я накинул чёрное пальто и покинул здание, спустившись по винтовой лестнице, попрощавшись с парой коллег, работающих в ночную смену, и, наконец, выйдя на улицу, где пахло зимней вечерней свежестью.

С самого утра температура спустилась до -10°, но, впрочем, это было терпимо, с чем негласно соглашались те многие случайные прохожие, которые смеялись друг с другом, обсуждали спорт, политику, вели под руку своих девушек… Жизнь кипит, огни горят, город шумит. Интересно, как долго это будет длиться?

Стараясь не думать о плохом, я прошёл пару кварталов и, поздоровавшись с подвернувшимися под руку знакомыми, распахнул дверь дома. Его построили около 50 лет назад, про архитектора я слышал, что он происходил из относительно древнего купеческого рода. Весной и так загибающийся фасад регулярно засирают проезжающие грузовики, а летом просто никому нет дела до ремонта и покраски, поэтому постепенно дом становится непригоден для жилья, и однажды, лет через 20, его оставят здесь как музей, который я буду показывать своим детям, а там уж и внукам.

Кивнув прохлаждающемуся в кресле консьержу, я прошёл на третий этаж, вошёл в квартиру и вдохнул… честно говоря, я ожидал вдохнуть запах чего-то готовящегося, но Рита, наверное, уже спит. Всё же она занимается с детьми ротмистра Зутера, который потерял жену в 1938 во время хрустальной ночи, и его можно понять; он немногим младше меня – ему сейчас 34 года, а уже пережил такое… Скорее всего, он просто не смог оправиться от потери, будучи однолюбом, и просто отдал жизнь войне, а сейчас он прожигает деньги в Уериге, напиваясь до беспамятства.

Я повесил плащ на вешалку, убрал сапоги в шкаф, дополнительно прислушался к звукам и услышал только тихое сопение Риты. Похоже, она и правда устала, раз даже не услышала моего возвращения. Обычно в это время она вяжет, читает или готовит, ну или сказки читает малышне, но произошло небольшое исключение из правил. Возможно, вернулась их бабушка и взяла заботу о детях на себя.

Тихо пройдя на кухню, я обнаружил ещё горячую тарелку любимой пшённой каши и стакан яблочного сиропа на столе. Сколько мы там с Ритой живём, 4 года? А впрочем, она и за год бы узнала все мои привычки и фавориты. Насколько знаю, у неё нет явных предпочтений, но её бабушка происходила из Судетских немцев и готовила отменные лепёшки, которые я просто обожал!

Подлив сиропа в кашу, я перемешал её и, уже истекая слюной, положил полную ложку в рот. Я ощутил взрыв приятной сладости каши, её мягкого вкуса и кислинки сиропа. Выдохнув от наслаждения, как ребёнок, получивший любимую игрушку на Рождество, я смял тарелку за 5 минут и быстро осушил стакан.

Почему-то мне казалось, что эта семейная идиллия должна была продлиться вечно, несмотря на войну, на партию, работу…

Когда я только-только вступил в партию, где-то под конец 1929 года, я встретил Риту на выезде из Кёльна. Кажется, тогда она зацепила меня не внешностью, не голосом, а своей лёгкостью, выразительностью, общительным характером, который и позволил нам сблизиться, а затем и начать встречаться в 1931. Тогда у нас проходила специфичная шоколадно-конфетная пора, как если бы мы были 15-летними влюблёнными подростками, и мы не могли думать ни о чём другом. Первый секс, клятвы в вечной любви, знакомство с родителями, женитьба в 1936, совместная жизнь, а с недавних пор и беременность… Когда-то я и мечтать не мог обо всём этом.

Вздохнув, вспоминая беззаботные годы позади, я встал из-за стола, помыл тарелку и стакан, вернул их на место, а затем прошёл в свой кабинет, где одиноко спал Феникс – мой кот, которого я подобрал год назад ещё котёнком, когда кто-то оставил его пищать в коробке посреди улицы. Я назвал его Фениксом из-за его характерной рыжей окраски, впрочем, у него были белые лапы. Услышав мой приход, он соскочил с кресла и принялся тереться у меня в ногах, громко мурча.

— Феникс, погоди ты, дай хоть свет зажечь! – Освещение в комнате ограничивалось окном, выходящим в тёмную вечернюю улицу, а именно на задний двор, где видимость закрывал

удачно начавшийся снегопад.

Я зажёг люстру и сразу цокнул языком, недовольно оглядев комнату. Чего-то не хватало. Наверное, книжного шкафа, который я недавно переместил в гостиную. Он занимал достаточно много места, которое я заполнил удобным кожаным диваном, поставленным откуда-то из Будапешта. На нём было удобно прикорнуть или читать книги в свободное время, но в основном он, как и кресло, оккупировался Фениксом.

Свободное время как раз наступало, так как завтра суббота, что означает недолгие, но выходные, которые, так или иначе, предполагали маленькую работу за документами. Ну, я сам выбрал такую жизнь, так что лучше не жаловаться.

Сегодня я изрядно помотал себе нервы, так как дела стоят на грани масштабной проверки от гестапо. Это не только кадровый голод, но и подозрения в британском шпионаже. Мне казалось, что Абвер и так обеспечивает безопасность, но что я могу сказать против СС?

Я же заслуживаю отдыха, правда? Я сел в кресло, похлопал по колену, подзывая Феникса, который тут же удобно пристроился на мне, и мы вместе быстро уснули под звуки собственного сопения, не заботясь о сиюминутных бедах, которых у кошек-то и нет…

———

http://tl.rulate.ru/book/71625/1918823